

б) И. д. доцента А. В. Ремезова:

„Небольшое по объему (въ печати шрифтомъ „Богосл. Вѣстника“ оно составило бы 80 стр.), но весьма содержательное сочиненіе г. Дьякова посвящено изложенію воззрѣній папы Пія IX-го на папство, какъ форму церковной и гражданской власти и какъ культурно-соціальную силу. Въ немъ нѣтъ, строго говоря, обѣщаннаго авторомъ (4 стр.) „раскрытія церковнаго, церковно-политическаго и культурно-соціальнаго идеала“, поскольку читатель не находитъ здѣсь изображенія того мірового церковно-государственнаго строя, какъ, несомнѣнно, предносился сознанію знаменитаго папы въ его удивительно широкой и энергичной дѣятельности: слишкомъ аналитически сочиненіе построено, чтобы соответствовать этому ожиданію. Но взамѣнъ непосредственнаго исполненія своего обѣщанія г. Дьяковъ даетъ читателю гораздо больше: его сочиненіе представляетъ намъ величественную картину беззавѣтной борьбы могучей личности, одушевленной грандіозными замыслами, съ противными ей и оказавшимися роковыми для нея теченіями современности. Съ этой точки зрѣнія не только понятнымъ становится, но и составляетъ несомнѣнный плюсъ, въ отношеніи полноты изображенія, слишкомъ продолжительная на первый взглядъ (165—183) остановка вниманія автора на тѣхъ фактическихъ подробностяхъ, напр., культуркампа, заимствованныхъ изъ брошюры проф. А. П. Орлова, которыя, не касаясь непосредственно воззрѣній Пія IX, даютъ рѣзко очерченное представленіе о той крайне неблагоприятной исторической атмосферѣ, въ какой пришлось папѣ осуществлять свои грандіозные замыслы.

Нераздѣльное изложеніе въ разсматриваемомъ сочиненіи воззрѣній въ собственномъ смыслѣ съ указаніемъ ихъ практическаго осуществленія оправдывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Пію IX-му, какъ человѣку практики, были чужды теоретическіе интересы обоснованія и всесторонняго раскрытія его церковно-общественнаго идеала, съ которымъ, вслѣдствіе этого, историкъ и можетъ имѣть дѣло на иначе, какъ въ самомъ процессѣ его внѣшняго осуществленія. Въ такомъ случаѣ для цѣлостности представленія историкъ обязанъ выяснить тотъ основной принципъ, который опре-

дѣляетъ собой характеръ и направленіе случайныхъ, въ зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, обнаруженій тѣхъ или иныхъ стремленій. Г. Дьяковъ и дѣляетъ это въ заключеніи своего сочиненія (276—281); но думается, что терминъ идеаль, поставленный въ темѣ, обязывалъ его подробнѣй сказать о внутреннихъ основаніяхъ обнаруженныхъ Пиемъ IX-мъ притязаній и болѣе органически связать эти послѣднія (притязанія) съ первыми (ихъ основаніями), а не говорить о нихъ лишь мимоходомъ,—при разсмотрѣніи причинъ внѣшней дѣятельности Пія IX-го. Это послѣднее обстоятельство вызываетъ въ рецензентѣ подозрѣніе, что авторъ сознательно ограничивалъ объемъ своей темы лишь внѣшней дѣятельностью и воззрѣніями Пія IX-го лишь постольку, поскольку они выразились во внѣшней дѣятельности, что едва ли покрываетъ собой весь объемъ понятія идеала.

Можетъ быть, этимъ отсутствіемъ въ представленіи автора цѣлостнаго образа церковно-общественнаго идеала объясняется и нѣкоторая неопредѣленность его отношенія къ излагаемымъ имъ воззрѣніямъ. Тонъ этого изложенія, въ общемъ строго объективный, мѣстами, — скорѣй всего безсознательно для самого автора,—прерывается такими привычными у насъ, но едва ли справедливыми по своей намѣренно обидной, рѣзкости выраженіями, какъ: „стремленіе папства къ порабощенію міра“ (3); „...превращая ее (Церковь) въ покорное папское орудіе“ (18); „привести католическую церковь къ такому единству, по которому (?) она... была бы послушной и покорной рабой папѣ,—вотъ главная задача Пія IX“ (16) и др. Вѣроятно, если бы авторъ излагалъ эту задачу съ точки зрѣнія тѣхъ ея идейныхъ основаній, — основаній, несомнѣнно, безкорыстныхъ,—о которыхъ онъ говоритъ на 277 стр. своего сочиненія, то онъ избѣгалъ бы употреблять выраженія, вызывающія въ качествѣ аналогіи представленія рабства и порабощенія.

Что касается пріемовъ работы г. Дьякова, то рецензентъ счастливъ въ этомъ случаѣ констатировать отрадныи, но, къ сожалѣнію, рѣдкій фактъ работы по первоисточникамъ. Это послѣднее свойство сочиненія составляетъ тѣмъ большую заслугу его автора, что у послѣдняго подъ руками было достаточно пособій, но г. Дьяковъ, нисколько не со-

блазняясь ими и, главное, трудомъ, положеннымъ на ознакомленіе съ иностранной литературой, все время, какъ истый историкъ, обращается непосредственно къ актамъ Пія IX-го, переводъ которыхъ и даетъ въ обширномъ приложеніи къ своему сочиненію.

Это послѣднее обстоятельство вмѣстѣ съ отмѣченной выше объективностью сужденій и строгой выдержанностью историческихъ представленій автора даютъ рецензенту основаніе не только признать г. Дьякова достойнымъ степени кандидата богословія, но и отозваться объ его сочиненіи съ особой похвалой и выразить надежду, что весьма цѣнныя приложенія къ нему, еще разъ внимательно проредактированныя авторомъ, не замедлятъ появиться въ печати“.

14) О сочиненіи студента *Зыкова Вячеслава* на тему: „Исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ на судьбѣ Египта“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Курсовое сочиненіе студента *Зыкова* распадается по содержанію на три части: въ 1-й части говорится о Египтѣ въ прошломъ и въ частности—о цвѣтущемъ состояніи страны фараоновъ; во 2-й части авторъ даетъ сводъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ, относящихся къ Египту; въ 3-й части приводятся факты изъ исторіи Египта, показывающіе, что слово Откровенія съ точностью исполнилось на исторической судьбѣ Египта.

Такое расположеніе матеріала, обусловленное содержаніемъ темы, не даетъ возможности говорить о какихъ-либо недочетахъ въ планѣ работы. Историческая послѣдовательность въ ходѣ отдѣльныхъ моментовъ общей исторіи Египта всюду соблюдена.

Относительно содержанія сочиненія рецензентъ также не имѣетъ побужденія дѣлать какое-либо особое замѣчаніе. Авторъ усердно собиралъ и группировалъ факты, относящіеся ко времени расцвѣта Египетской монархіи и затѣмъ паденія ея. Всюду чувствуется, правда, что авторъ опасался перешагнуть за грань русскихъ источниковъ и пособій. Для истолкованія относящихся къ его вопросу пророчествъ въ этомъ и не было необходимости. Авторъ нашелъ исчерпы-

вающій комментарий къ нимъ въ святоотеческой литературѣ, которой добросовѣстно и пользовался онъ. Но разработка исторіи Египта очень мало подвинулась въ русской исторической литературѣ. И пробѣлы въ фактической сторонѣ этой мало разработанной у насъ исторіи естественно сказались и въ сочиненіи автора. Неполнота фактическихъ справокъ изъ исторіи Египта и является однимъ изъ недочетовъ работы г. Зыкова.

Менѣе извинительнымъ недочетомъ сочиненія г. Зыкова мы считаемъ опасеніе, съ какимъ онъ относился къ греческому языку. Онъ довольствовался при своей работѣ русск. переводами Геродота и Діодора. Если русск. переводъ Геродота можно признать удовлетворительнымъ, то переводъ Діодора отъ 1774 года обязывалъ автора сдѣлать повѣрку его съ греч. текстомъ, такъ какъ русск. переводъ 1774 года имѣетъ не мало неточностей и отступленій отъ греческаго текста. Этой свѣрки мы не видимъ въ работѣ автора. Кромѣ того, относительно Геродота слѣдуетъ замѣтить, что мы имѣемъ къ нему солидный историческій комментарий Wiedemann'a, трудъ котораго авторъ и долженъ былъ привлечь, чего, однако, онъ не сдѣлалъ. А это обстоятельство неблагоприятно отозвалось на терминологіи автора. Онъ извращаетъ иногда имена фараоновъ и безъ того уже, какъ показываютъ современныя открытія въ области египтологіи, извращенныя греческими историками.

Но если принять во вниманіе: усердіе автора, съ какимъ онъ собиралъ,—иногда очень маленькими дозами,—пригодный ему фактический матеріалъ, его внимательное отношеніе къ даннымъ Библии и общую скудость матеріала по исторіи Египта, то частные недочеты интересной, въ цѣломъ, работы г. Зыкова не могутъ воспрепятствовать полученію имъ степени кандидата богословія, каковой мы и признаемъ его заслуживающимъ“.

б) Доцента іеромонаха Варволомея (Релова):

„Г. Зыковъ съ большимъ прилежаніемъ потрудился надъ своей темой: 428 стр. его сочиненія, переписанныя старательно рукою самого автора,—вотъ внѣшній показатель его значительной работы. Въ концѣ сочиненія (стр. 421—428) находится перечень литературы, использованной авторомъ,—

здѣсь мы насчитали болѣе 70 названій книгъ. Правда, литература—почти все русская, но рецензентъ подмѣтилъ, что авторъ старался, что могъ, выискать для увеличенія имѣющагося у него матеріала: любопытно, при этомъ, что 5—6 книгами авторъ пользуется по преимуществу (довольно много хорошихъ, цѣнныхъ свѣдѣній почерпаетъ г. Зыковъ въ трудъ Urquhart'a: „Die erfüllten Weissagungen der Gottes Siegel auf die Bibel (Stuttgart 1908),—см. стр. рецензируемаго сочиненія 22, 127, 144, 177, 183, 186, 187, 194, 196, 205, 208, 218—223, 227, 243, 284 и др.); остальные онъ привлекаетъ для полноты изслѣдованія, отыскивая все, гдѣ можно найти хотя что-нибудь подходящее для своей темы.

Авторъ не мудрствуетъ: онъ собралъ матеріаль и просто весь его объединяетъ въ своемъ изслѣдованіи. Въ простотѣ изложенія—вмѣстѣ и достоинство сочиненія и существенный его недостатокъ. Сочиненіе читается — страница за страницей—безъ труда, и читающему вовсе не приходится напрягаться надъ довольно длинной работой г. Зыкова: въ этомъ мы усматриваемъ достоинство сочиненія. Недостаткомъ сочиненія указанное свойство изслѣдованія является въ гораздо болѣе степени. Г. Зыковъ пишетъ ученую работу, но пишетъ черезъ-чуръ элементарно; у него нѣтъ ни дѣленія на главы, ни хотя какого-нибудь расчлененія предмета; это—разъ. А потомъ,—нѣтъ слѣда серьезной работы въ самомъ изложеніи: авторъ кропотливо и тщательно, съ похвальнымъ усердіемъ собираетъ, какъ пчела, матеріаль, но затѣмъ онъ такъ и помѣщаетъ въ свою работу эти добытыя свѣдѣнія, не переработавъ ихъ,—просто компилируя свои цитаты — даже безъ опредѣленнаго плана. Въ оправданіе г. Зыкова, впрочемъ, можно принять во вниманіе, что его матеріаль—главнымъ образомъ описательно-фактическій. Самый матеріаль привлекается г. Зыковымъ безъ достаточнаго разбора, излишне довѣрчиво. Поэтому наряду съ цитатами изъ серьезныхъ книгъ у нашего автора есть ссылки на книги устарѣлыя и не имѣющія никакой научной цѣнности. Въ фактическихъ свѣдѣніяхъ, поэтому, встрѣчаются прямыя ошибки—имѣющія непосредственное отношеніе къ предмету изслѣдованія; не говоря уже о косвенныхъ (въ родѣ названія Климента Александрійскаго святымъ (стр. 162, 309). Keith'a г. Зыковъ цитируетъ почему-то и въ подлинникѣ и въ двухъ

переводахъ—скрупулезная мелочность, достойная лучшаго примѣненія. Имя *Птоломей* теперь принято писать *Птоломей*. Въ отношеніи стиля хотѣлось бы пожелать г. Зыкову большей яркости...

Но г. Зыковъ отнесся ко взятой имъ на себя работѣ съ примѣрнымъ стараніемъ. Не всякій проявилъ бы столько усилій, сколько проявилъ ихъ онъ. Г. Зыковъ вѣдь искалъ въ книгѣ или статьѣ, имѣющихъ далеко не прямое отношеніе къ его предмету, хотя бы крупницу свѣдѣній о современномъ состояніи Египта. Въ стремленіи захватить возможно больше матеріала въ поле своего изложенія авторъ даетъ довольно обширное введеніе (1—116 стр.), а самое изложеніе предмета (стр. 172—420) дано очень обстоятельное, снабжено всѣми подробностями, какія только были въ распоряженіи автора. Пророчества объ Египтѣ, главнымъ образомъ—Иезекіиля, прокомментированы г. Зыковымъ (стр. 116—172) достаточно—по св. отцамъ и нѣкоторымъ западнымъ толкователямъ—Keil'ю, Knabenbauer'у, Hengstenberg'у.

Г. Зыковъ много подумалъ надъ своею темою. Его работа можетъ свидѣтельствовать о продуманномъ религіозномъ углѣ зрѣнія автора на событія въ исторіи отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ (см. особ. стр. 1—8). Проявленное г. Зыковымъ необыкновенное усердіе побуждаетъ насъ снисходительно отнестись къ немалымъ недостаткамъ его сочиненія и признать автора достойнымъ степени кандидата богословія тѣмъ болѣе, что, разрабатывая свою тему, авторъ научился весьма многому“.

15) О сочиненіи студента *іеромонаха Нектарія (Иванова)* на тему: „Священное Писаніе у египетскихъ подвижников“.

а) Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*:

„Сочиненіе іеромонаха Нектарія посвящено вопросу, которому обыкновенно почти совсѣмъ не удѣляется вниманія какъ въ церковно-историческихъ ученыхъ трудахъ, такъ и въ трудахъ, спеціально посвященныхъ исторіи толкованія Священнаго Писанія. Вотъ почему автору пришлось прокладывать самому путь своего научнаго изслѣдованія. У него не было почти никакихъ „пособій“; онъ былъ наединѣ со своими источниками. Источники же эти были довольно разно-

образны: творенія и отдѣльныя изреченія египетскихъ подвижниковъ, патерики, достопамятныя сказанія, древнїе иноческіе уставы. Въ качествѣ косвеннаго источника авторъ привлекаетъ писанія преп. Іоанна Кассіана. Сочиненіе его распадается на пять главъ.

I. Взглядъ св. египетскихъ подвижниковъ на Священное Писаніе вообще (стр. 1—13).

II. Занятія египетскихъ подвижниковъ изученіемъ Священнаго Писанія (стр. 13—61).

III. Отношеніе св. египетскихъ подвижниковъ къ знанію Свящ. Писанія (стр. 62—86).

IV. Свящ. Писаніе въ жизни египетскихъ подвижниковъ (стр. 86—125).

V. Экзегетика св. египетскихъ подвижниковъ (стр. 126—190).

Каждая изъ этихъ главъ въ отдѣльности и всѣ онѣ вмѣстѣ весьма наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, что свои источники авторъ изучалъ очень прилежно и достаточно внимательно. Все его сочиненіе наполнено фактическимъ и документальнымъ содержаніемъ, а не общими фразами и отвлеченными разсужденіями; цитаты изъ источниковъ очень щедро рассыпаны почти на каждой страницѣ его сочиненія (стр. XII+190=около 135 печатныхъ). Авторъ не набираетъ матеріалъ въ сочиненіи, а выбираетъ лучшее и наиболѣе характерное. Ряды цитатъ въ примѣчаніяхъ показываютъ, что матеріала въ его распоряженіи было несравненно больше, чѣмъ нашелъ онъ нужнымъ помѣстить въ сочиненіи. Будучи содержательнымъ, сочиненіе читается съ интересомъ, чему немало способствуетъ и прекрасное литературное изложеніе. Стилистическихъ недочетовъ можно отмѣтить очень мало (стр. XII. 62. 78. 128. 131. 149. 185).

Какъ можно видѣть изъ приведеннаго перечня главъ, сочиненіе охватываетъ предметъ со всѣхъ сторонъ и изслѣдуетъ его съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но въ этой погонѣ за всесторонностью изслѣдованія авторъ не обнаружилъ достаточнаго такта: онъ нерѣдко увлекается и потому начинаетъ трактовать о побочныхъ предметахъ, не относящихся къ темѣ. Такъ во второй главѣ авторъ подробнѣе, чѣмъ нужно, пишетъ о томъ, что въ египетскихъ монастыряхъ не было лицъ священнаго сана (стр. 29—81), слишкомъ подробно говоритъ о составѣ богослуженія монастырскаго (стр. 32 сл.).

Но особенно много инороднаго матеріала въ главѣ четвертой. Здѣсь авторъ задается цѣлью показать, какой отпечатокъ наложило Свящ. Писаніе на общую и частную жизнь египетскихъ монаховъ (стр. 86—87); онъ вѣдетъ въ частности, изслѣдуя отношеніе египетскихъ монаховъ къ собственности, къ родственникамъ и т. д. (стр. 94 слл.), вставляетъ цѣлый отдѣлъ о томъ, какъ монахи исполняли заповѣдь о любви къ ближнимъ, о неосужденіи ближняго и под. (стр. 108—121). Здѣсь дается больше изображеніе самой жизни египетскихъ монаховъ и излагаются ихъ аскетическіе взгляды. Правда, эти взгляды вытекаютъ изъ тѣхъ или другихъ мѣстъ Свящ. Писанія; это отмѣчаетъ и авторъ, но иногда онъ какъ-бы забываетъ, что ему нужно говорить о вліяніи Свящ. Писанія на жизнь и непониманіе египетскихъ монаховъ, и начинаетъ говорить о самой ихъ жизни.

Объ экзегетикѣ египетскихъ подвижниковъ авторъ пишетъ пятую главу, самую обширную въ его сочиненіи, но эта глава въ большей своей части наполнена образцами монашескаго толкованія Свящ. Писанія. О самой же экзегетикѣ авторъ пишетъ меньше и, можно сказать, недостаточно. Онъ называетъ методъ монашескаго толкованія аскетическимъ и опредѣляетъ его какъ развѣтвленіе метода нравственно-аллегорическаго, но авторъ почти и ограничился однимъ этимъ названіемъ, тогда какъ ему непременно слѣдовало-бы подробнѣе охарактеризовать аскетическій методъ толкованія въ его особенностяхъ сравнительно съ методомъ вообще аллегорическимъ. Думается, что этихъ особенностей можно-бы набрать достаточное количество для описанія самаго метода.

Авторъ совершенно справедливо аллегорическія тенденціи египетскихъ монаховъ ставитъ въ связь съ направленіемъ александрійской школы. Но и здѣсь требовалось бы большее углубленіе въ исторію аллегорическаго метода; авторъ же говоритъ почти исключительно объ Оригенѣ. Но вѣдь какъ разъ сочиненія то Оригена и запрещалось читать монахамъ въ нѣкоторыхъ египетскихъ монастыряхъ.

Вотъ почему многочисленные образцы аскетическихъ толкованій, собранные и расположенные безъ особаго порядка въ пятой главѣ, являются лишь матеріаломъ, изъ котораго авторъ не сдѣлалъ надлежащихъ общихъ выводовъ.

Можно указать и еще нѣсколько мелкихъ недостатковъ въ сочиненіи о. Нектарія.

Иногда онъ забываетъ поставить цитаты (стр. 44. 49), при томъ тогда, когда имѣть эти цитаты было бы весьма интересно.

Вопросъ о коптскомъ переводѣ Свящ. Писанія авторъ рѣшаетъ всего въ четырехъ строкахъ словами старой статьи (стр. 21).

На стр. 34 авторъ пишетъ: „О стихирахъ, канонахъ, экте- нійхъ во время богослуженій въ египетскихъ монастыряхъ не было и помину. Не было никакихъ богослужебныхъ книгъ — октоиха, миней и т. д.“ А развѣ это было особенностью египетскихъ монастырей? Развѣ стихиры и каноны, октоихи и миней въ то время гдѣ нибудь существовали?

На стр. 81 авторъ говоритъ о *заповѣдяхъ, предписанныхъ въ Свящ. Писаніи*. Но вѣдь Христось по Апостолу своими догмами (*év óбуаσιv*) упразднилъ законъ заповѣдей (Еф. 2, 15).

Нельзя также говорить, будто въ Писаніи можно найти совѣты, предусматривающіе всѣ случаи жизни (стр. 85).

На стр. 97 авторъ, кажется, безъ нужды усиливаетъ отрицательное отношеніе египетскихъ монаховъ къ браку. Если свято дѣвство, то и бракъ честенъ.

На стр. 126 читаемъ нѣсколько странную характеристику 4-го вѣка. „Церковь жила наиболѣе интенсивною, горячею (!?) жизнью. Правда, оно (это время) не было золотымъ для нее (*sic!*) въ томъ отношеніи, что было страшно беспокойнымъ, почти что кошмарнымъ (!!!). Расколы, ереси, гностицизмъ, арианство во всѣхъ его видахъ — все это раздирало церковный организмъ по частямъ“ (А развѣ арианство не ересь? Какой же гностицизмъ въ четвертомъ вѣкѣ?).

Такимъ образомъ, сочиненіе о. Нектарія не безъ недостатковъ, но эти недостатки съ избыткомъ покрываются достоинствами сочиненія: его полной самостоятельностью, содержательностью, которая есть плодъ внимательнаго изученія источниковъ, и литературностью изложенія. Авторъ въ достаточной мѣрѣ обнаружилъ и трудолюбіе и талантливость, а потому онъ вполне достоинъ степени кандидата богословія. Не лишне было бы сочиненіе напечатать“.

б) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Авторъ настоящаго сочиненія совсѣмъ не имѣлъ въ виду дать какія-либо свѣдѣнія объ исторической судьбѣ книгъ Свящ. Писанія у Египетскихъ пустынниковъ, напр., свѣдѣнія о самомъ текстѣ или составѣ священныхъ книгъ, употреблявшихся египетскими пустынными отцами, или объ ихъ трудахъ по изученію и толкованію священныхъ книгъ. На основаніи историческихъ свѣдѣній о жизни пустынныхъ отцовъ и ихъ твореній авторъ дѣлаетъ весьма интересную попытку выяснитъ отношеніе подвижниковъ къ Слову Божію и жизненное значеніе послѣдняго въ ихъ личномъ опытѣ. То, что мы обычно называемъ научнымъ отношеніемъ къ Слову Божію, у египетскихъ подвижниковъ замѣнено нравственно-опытнымъ усвоеніемъ Священныхъ Писаній: воля Божія, нравственный міропорядокъ жизни, духовный міръ святой благодатной жизни, вотъ что утверждается св. отцами подвижниками, какъ главное содержаніе Слова Божія, цѣнное для человѣческой личности, спасающей и спасаемой, а всѣ остальные интересы, связанные съ изученіемъ Слова Божія, у нихъ отсутствуютъ. Извлечь спасительную для души пользу и узнать волю Божію, вотъ что руководитъ св. отцами въ ихъ отношеніи къ Слову Божію. Отсюда ихъ тщательное изученіе Словесъ Божіихъ, непрерывность этого изученія, проведеніе ихъ въ своей личной жизни, какъ бы наглядное и живое воплощеніе законовъ жизни, раскрытыхъ въ Священномъ Писаніи, и перенесеніе ихъ со страницъ книги на скрижали сердца. Этому дѣлу служить и самый экзегезисъ Св. Писанія, получающій отсюда своеобразный характеръ и типичную особенность т. наз. аскетическаго пониманія Слова Божія. (V-я гл. сочиненія). Такова вкратцѣ схема мыслей автора въ разсматриваемомъ нами сочиненіи.

Чтеніе этого сочиненія доставляетъ громадное духовное наслажденіе и интересъ, тѣмъ болѣе живой, что и самая тема сочиненія и постановка вопроса новы въ нашей, такъ наз. ученой богословской литературѣ. Да, автору удалось и собрать матеріала много, и изложить его превосходнымъ, сжатымъ, изящнымъ языкомъ по ясному и вполнѣ естественному плану.

Напрасно только онъ во 2-й гл. своего сочиненія нѣсколько болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, уклоняется отъ прямого вопроса въ сторону къ вопросамъ: объ отношеніи подвижниковъ къ священству, о составѣ богослуженія, о занятіяхъ иноковъ; все это хорошо и интересно, но составляетъ сторонній предметъ. Намъ думается, что авторъ обязательно долженъ напечатать свое сочиненіе въ к. н. популярномъ богословскомъ журналѣ.

Степени кандидата богословія за свое сочиненіе онъ вполне заслуживаетъ“.

16) О сочиненіи студента *Ключарева Василія* на тему: „Исусъ Христосъ въ современномъ сравнительномъ изученіи религій“.

а) Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*:

„Тема, на которую писалъ свою кандидатскую работу студентъ Василій Ключаревъ, очень обширна. Дать въ теченіе одного года научное и всестороннее изслѣдованіе на такую тему—это, конечно, выше силъ хотя бы и самаго выдающагося студента. Вотъ почему, давая эту тему, рецензентъ руководился соображеніями не столько ученаго, сколько учебнаго характера. Автору настоящаго сочиненія было предложено ознакомиться по опредѣленнымъ пособіямъ съ новѣйшимъ явленіемъ въ области западнаго отрицанія и нѣсколько подумать самому надъ выдвинутыми сравнительнымъ изученіемъ религій вопросами и сомнѣніями. Рассматривая представленное сочиненіе съ этой ограниченной точки зрѣнія, можно признать, что свою задачу г. Ключаревъ выполнилъ удовлетворительно. Онъ познакомился съ нѣкоторыми сочиненіями самыхъ новѣйшихъ миѣологистовъ, — просмотрѣлъ *Die Christusmythe* А. Drews'a и *Religionsgeschichtliche Erklärung des Neuen Testaments* Карла Клемена. Съ взглядами другихъ миѣологистовъ авторъ познакомился по книгамъ Weiss'a и Meffert'a, а также и по статьямъ русскихъ авторовъ—проф. С. М. Зарина, о. Н. Н. Сахарова и др. Пользуясь собраннымъ матеріаломъ, авторъ пишетъ первыя двѣ главы своего сочиненія: I. Очеркъ развитія миѣологическаго метода въ исторіи экзегетики новѣйшаго времени (стр. 9—66) и II. Исусъ Христосъ въ представленіи миѣологистовъ (стр.

67—154). Въ третьей главѣ (стр. 155—214) авторъ дѣлаетъ разборъ мифологической теоріи, пользуясь преимущественно статьями проф. С. М. Зарина въ „Странникъ“ и проф. С. Н. Булгакова (Русская Мысль. 1911. Августъ) и лекціями лионскаго профессора Albert'a Valensin'a—*Jésus Christ et l' Etude comparée des Religions. Paris 1912.*

Сочиненіе автора невелико (стр. 215=около 80 печатныхъ), но довольно содержательно и читается не безъ интереса. Изложено оно не только вполне литературно, но иногда изящно и остроумно. Но необходимо отмѣтить, что лучшія страницы сочиненія принадлежатъ не студенту Ключареву, а проф. Булгакову и проф. Valensin'у. Сочиненіе излишне компилятивно. Конечно, при изложеніи взглядовъ мифологистовъ авторъ могъ быть компилятивнымъ; въ первыхъ двухъ главахъ это еще извинительно, но у него и третья глава почти вся состоитъ изъ трехъ большихъ выписокъ: стр. 158—171 изъ книжки Valensin'a, стр. 185—198 изъ статьи проф. Булгакова, стр. 199—213 изъ статей проф. Зарина. Авторъ своей зависимости отъ пособій не скрываетъ, заимствованія тщательно отмѣчаетъ цитатами, хотя и не заключаетъ въ кавычки заимствованій буквальныхъ, почему иногда слова пособія можно принять за слова самого автора. Напр., на стр. 197 читаемъ: „не можетъ быть, *мнѣ(?)* кажется. болѣе безразсуднаго предпріятія, нежели отрицаніе историческаго существованія Иисуса“. Но это „кажется“ не г. Ключареву, а проф. С. Н. Булгакову, у котораго эта фраза выписана буквально (Русская Мысль. 1911, Августъ, стр. 123). Если поэтому и нѣтъ основанія отрицать ознакомленія автора съ литературой, то можно ему пожелать большей самостоятельности хотя бы въ критическихъ замѣчаніяхъ. Читаль онъ достаточно, но думалъ мало.

Вслѣдствіе той же излишней приверженности къ пособіямъ произошло, что изложеніе автора хорошо собственно тамъ, гдѣ онъ удачно переводитъ хотя бы изящно написанную книжку Valensin'a, но иногда переводъ его неудаченъ и получается нѣчто неудобовразумительное. Вотъ, напр., переводъ изъ книги Clemen'a—на стр. 108: „Что Иисусъ даже низвергается съ крыши храма—это скорѣе выясняется изъ наиболѣе древней и первоначальной формы этой части Иисусовой саги, отъ которой одинъ осколокъ уцѣлѣлъ въ буддист-

скої легендѣ, по которому Иисусъ, какъ Эабани, пожелалъ себѣ смерти; что съ другой стороны Онъ утоляетъ голодъ и принимаетъ въ дары отъ діавола всѣ царства міра, это— толкуетъ Іензень, прежде всего, изъ указанія солнечнаго бога на яства, которыми Эабани наслаждался въ Эректѣ, и на почести ему тамъ воздаваемыя“.

На стр. 170 вопросительная фраза Valensin'a (р. 80)—*Tous ces détails précis ne constituent ils pas un morceau substantiel?*— передана такъ: „Всѣ эти точныя подробности тѣмъ не менѣе не составляютъ существеннаго значенія“.

На стр. 183 читаемъ: „...дѣло касается покровительства вѣрѣ Христовой противъ гностическихъ ученій“. У Valensin'a (р. 86), котораго авторъ здѣсь почему-то не цитируетъ совсѣмъ: „il s'agit de protéger la foi au Christ contre les spéculations gnostiques“.

См. еще стр. 2. 78. 106. 137. 150—151. 159. 167 и др.

На стр. 114 авторъ цитируетъ нѣсколько разъ буддійскую *рукопись*. Конечно, здѣсь опять недоразумѣніе съ переводомъ изъ Клемена, у котораго не рукопись, а Schrift.—Кромѣ того, какъ *deus ex machina*—появляется авглійская цитата: Sacred Books XIII, 81.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ недоразумѣніями въ переводахъ стоитъ безграмотность написанія отдѣльныхъ иностранныхъ словъ въ сочиненіи (напр. стр. 35. 44. 68. 147 и др.), а на стр. 202 вмѣсто—*Der vorchristliche Iesus*—написано: *Der vorsichtliche Iesus*.

Мы отмѣтили неудобовразумительныя мѣста сочиненія, представляющія плохой переводъ изъ пособій, но считаемъ должнымъ оговориться, что такихъ мѣстъ въ общемъ немного. Обыкновенно иностранныя пособія переводятся въ сочиненіи хорошо, съ сохраненіемъ даже изящества, напр., французскаго стиля.

Не смотря на существенный недостатокъ сочиненія,—его компилятивность, оно все же свидѣтельствуетъ, что авторъ съ вопросомъ познакомился, пособія прочиталъ и выбралъ изъ нихъ лучшее и наиболѣе существенное. Если г. Ключаревъ не далъ въ своемъ сочиненіи чего-нибудь новаго для другихъ, то несомнѣнно, что во время работы надъ сочиненіемъ онъ узналъ новое для самого себя.

За свое сочиненіе г. Ключаревъ заслуживаетъ кандидатской степени“.

б) И. д. доцента *іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго)*:

„Взятая г. Ключаревымъ тема для кандидатскаго сочиненія имѣетъ въ виду главнымъ образомъ пресловутую мнѳологическую теорію Дрекса, такъ много за послѣднее время напумѣвшую въ Германіи. Задача автора состояла, очевидно, въ томъ, чтобы разсмотрѣть эту теорію въ связи съ ея историческими прецедентами и дать ея критическій разборъ. Небольшое сочиненіе Ключарева (I—II+215) и является, посылною попыткой выполнить эту задачу.

Во введеніи авторъ кратко намѣчаетъ свою задачу такими словами: „мы прежде всего, очевидно, должны обратить вниманіе на то, какимъ путемъ они (жизнеописатели Христа—раціоналисты) шли въ своихъ изслѣдованіяхъ и что собственно было причиною ихъ заблужденія“... но онъ ни слова не говоритъ о сравнительномъ изученіи религій, которое должно служить фономъ для его работы, и о чемъ бы, думается, слѣдовало сказать. Въ очеркъ развитія мнѳологическаго метода (1 гл., стр. 9—66) нужно отмѣтить нѣкоторое уклоненіе отъ темы въ тѣхъ случаяхъ, когда излагаются мнѳологическія теоріи, объясняющія происхожденіе іудейской религій (вѣрнѣе—отдѣльныхъ элементовъ ея) и христіанскихъ праздниковъ (стр. 52—58, 64—66). Вторую наибольшую главу („Иисусъ Христосъ въ представленіи мнѳологистовъ“, стр. 67—154) авторъ могъ бы нѣсколько сократить, если бы не вездѣ буквально держался своихъ пособій, а передавалъ бы ихъ мысли своими словами. Наконецъ, въ третьей самой существенной главѣ („Разборъ мнѳологической теоріи“, стр. 155—214) такъ бы желательно было встрѣтить хотя нѣкоторое проявленіе самостоятельности, обнаруженіе собственной критической мысли автора, чего онъ, къ сожалѣнію, не проявилъ. Теорія Дрекса разобрана здѣсь въ общемъ довольно обстоятельно. Но къ даннымъ пособіямъ авторъ могъ бы присоединить нѣчто и отъ себя: на примѣръ, онъ могъ бы попытаться сказать кое-что о крайней ненаучности пріемовъ Дрекса, о неограниченномъ произволѣ его и возмутительной безцеремонности въ обращеніи съ первоисточниками христіанскаго ученія. Кстати сказать, самъ

авторъ въ началѣ этой главы допускаетъ ненаучный приемъ, когда „возмутительное отношеніе христіанскихъ ученыхъ“ ко Христу объясняетъ тѣмъ, „что эти... ученые—іудео-христіане, т. е. принадлежать къ еврейской націи или состоятъ въ родствѣ съ ней“ (стр. 155).

Такимъ образомъ, работа Ключарева является сплошной компиляціей. Въ ней не видно не только самостоятельности, но и органическаго усвоенія авторомъ излагаемыхъ имъ мыслей и идей. Перу автора принадлежитъ, можно сказать, только двѣ—три страницы введенія (изъ 8), да полторы страницы заключенія, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Отчего (надо—отъ чего) это (т. е. несостоятельность миеологическаго метода) зависитъ — понятно: миеологи об-условливались вовсе не тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдовало бы об-условливаться“. Таковъ стиль автора!.. Однако въ извиненіе г. Ключареву слѣдуетъ указать на то, что компилятивность является общимъ недостаткомъ не только кандидатскихъ работъ, но даже магистерскихъ и докторскихъ диссертаций. Самостоятельность и оригинальность служатъ здѣсь исключеніемъ. Кроме того, должно принять во вниманіе, что тема разсматриваемаго кандидатскаго сочиненія по самому свой-ству своему предполагаетъ широкое заимствованіе.

Изъ мелкихъ недочетовъ прежде всего нужно указать на весьма частыя неудачныя выраженія, допущенныя въ пере-водѣ съ иностранныхъ пособій, напримѣръ, на стр. 143 чи-таемъ: „рука не поднимается начинать детальный споръ“... на стр. 165: „нѣтъ за ней (теоріей) солидарнаго аргумента“... на стр. 166: „если она (теорія) занимаетъ мѣсто внѣ фактовъ, можно ли намъ ее представлять во имя фактовъ?“ и мн. др. Лук. II, 10—11, слѣдуя нѣмецкому переводу, авторъ пере-даетъ неточно въ такомъ видѣ: „смотрите (надо—не бойтесь), я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ для всѣхъ народовъ (надо—всѣмъ людямъ), ибо нынѣ родился (пропущено—вамъ въ городѣ Давидовомъ) Спаситель, Кото-рый есть Господь Христосъ (перестановка), во градѣ Дави-довѣ (надо раньше поставить)“ (стр. 95—96). вмѣсто: заим-ствованіе авторъ неоднократно употребляетъ слово: заемъ (стр. 165 и 185); собственное имя: Америго Веспуччи у него оставлено почему-то въ нѣмецкой транскрипціи: Amerigo Vespucci (стр. 47); однажды, вмѣсто—христіанство, употре-

блено даже слово: христіанизмъ (въ переводѣ съ французскаго, стр. 171).

Слѣдую всегда рекомендованнымъ пособіямъ, авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ забываетъ, очевидно, цитировать ихъ (напр., на стр. 4—6, 38—39, 156). Неисправность цитации слѣдуетъ еще отмѣтить въ томъ отношеніи, что, цитируя иностранныя пособія, авторъ употребляетъ подъ рядъ русскія и иностранныя слова (на стр. 42, 51 и др.) или указываетъ только книгу (журнала „Вѣра и Церковь“) и не указываетъ страницу (заимствуя, очевидно, цитату изъ вторыхъ рукъ, на стр. 173, 176). Наконецъ, рецензентъ нерѣдко замѣчалъ отсутствіе или излишекъ знаковъ препинанія (на стр. 46, 70, 74, 79, 88, 100, 118, 140, 148, 169 и др.).

Несмотря на это, работа Ключарева имѣетъ и положительныя стороны. Ихъ слѣдуетъ видѣть въ томъ, что авторъ въ достаточной мѣрѣ изучилъ рекомендованный ему матеріалъ, при изложеніи его не разбросался, а выбралъ, повидимому, наиболѣе важное и существенное. Вообще авторъ потрудился хотя немного, но по мѣрѣ силъ своихъ, и поэтому работа его должна быть признана заслуживающею искомой степени“.

17) О сочиненіи студента *Козырева Сергья* на тему: „Духовныя свойства существа Божія“.

а) И. д. доцента *А. М. Туберовскаго*:

„Работа г. Козырева (285+V)—особенная, выдающаяся, отъ начала до конца оригинальная, насквозь проникнутая дыханіемъ творчества.“

Ея содержаніе таково. Поблагодаривъ (1. „По поводу темы“), подобно о. Іоанну Кронштадтскому, Академію за все, что она дала, и переходя къ своей работѣ, авторъ останавливается на трудности своей темы, требующей созданія положительнаго и притомъ абсолютнаго Типа—идеальнаго образа Существа непостижимаго. Однако, авторъ не отступилъ передъ такою трудной задачей, справедливо полагая, что отказаться отъ посильнаго разумнія свойствъ Существа Божія значило бы совсѣмъ забыть Бога и, какъ увидимъ ниже, справился съ своей задачей превосходно.—Говоря далѣе „о средствахъ къ богопознанію“ (2), авторъ указыва-